

Культурная идентичность и развитие культурного ландшафта

Зоран Рока, Мария де Назаре Оливейра-Рока

Введение

Вот уже более двух десятилетий португальские научные, политические и медийные круги пропагандируют «топофилию», или, иными словами, «действенную связь между людьми и местом (местностью)» (Tuam 1990), с тем чтобы воспрепятствовать неправильному использованию, опошлению, вырождению, утрате и т. д. уникальных характеристик местностей и регионов и одновременно усилить или (вос)создать культурную аутентичность, или своеобразие, и самобытность (идентичность) как ресурс для местного и регионального развития. Главным доводом является необходимость не только осознания людьми, но и их участия в защите окружающей среды, культурного наследия и других отличительных черт мест их проживания, трудовой деятельности и досуга (Albino 1997). Прогресс, достигнутый в пропаганде топофилии, иллюстрируют, например, включение принципов устойчивого развития в программу образования и в проекты «Местной повестки дня 21», расцвет местного и регионального музейного дела, возрождение городских исторических центров и других объектов архитектурного наследия и, наконец, пропаганда использования местных природных, экономических и культурных ресурсов для развития отсталых сельских районов (Roca 1998; 1999; 1999a), а также возрождение духа регионализма (Oliveira and Roca 2005).

Необходимо, однако, учитывать, что характер топофилии меняется с изменением территории – по мере того как местности и регионы превращаются в «выработанные» и «полные противоречий» (Lefebvre 1991) под воздействием «детерриториализации» (Barel 1986) или «детрадиционализации» (Giddens 1994; Heelas 1999), а то и «гибели территории» (Badie 1995) или «аннигиляции пространства временем» (Harvey 2003). Кроме того, топофилия меняется с появлением «глобального значения места» (Massey 1991; Rose 1995) и/или «спорных участков» (Massey and Jess 1995). Несмотря на «непрерывно растущее значение местностей как территорий социальной и экономической жизни, формирования особенностей, тактик и стратегий как местного, так и глобального характера» (Amin and Thrift 1994), топофилия изменяется с вхождением местности в «сеть» или признанием ее «пригодной для инновации» (Todtling 1994), «ангажированной» (Agnew 1999), «востребованной» (Haartsen et al. 2000), «воссозданной» и «скоординированной» (Benko 2000), «восстановленной» (Roca 2004) или же действительно «ретерриториализованной» (Haesbaert 2004) в контексте глобализации экономики и культуры.

Совершенно очевидно, что все подобные изменения оказали воздействие на культурную самобытность многих местностей и регионов Португалии. Действительно, несмотря на усилия по содействию топофилии, нарастают темпы утраты культурной самобытности во многих сферах жизни – от снижения экологической и демографической устойчивости сельских районов до разрушения экономической и социальной ткани и самостоятельности на местном уровне, все это часто сопровождается хаотичным землепользованием, вопиющим загрязнением, серьезными противоречиями между городским и сельским образом жизни и борьбой между местными и глобальными факторами экономических и культурных перемен за физическое и социальное

пространство. Наиболее иллюстративными могут служить следующие примеры: вытеснение традиционного террасированного виноградарства и чередования посевных культур современными, более продуктивными и прибыльными, а потому и «более конкурентноспособными», методами сельского хозяйства; внедрение модели потребления, основанной на концентрации коммерческой деятельности в ущерб традиционной розничной торговле; забвение общественных ценностей таких, как связь поколений, усиливающиеся одиночество и изоляция как общие социальные тенденции; утрата демографической жизнеспособности вследствие старения населения и эмиграции; перманентно меняющаяся конфигурация структуры расселения (Ferreira 2002; 2004; Rosa 2004).

Почему же растет расстояние между требованиями в защиту территориальной самобытности как ресурса местного развития, с одной стороны, и «антисамобытной» действительностью, с другой, что, в свою очередь, губит топофилию? Что способно остановить эту тенденцию? Стратегические ответы и решения на эти вопросы требуют сбора фактических данных и показателей изменения характеристик местной самобытности, влияющих на топофилию, и, наконец, утверждения концепции топофилии как действенной программы развития. В этой связи в настоящей презентации мы рассмотрим результаты исследований последнего десятилетия, приведенные в (1) национальном исследовании восприятия интерфейса «самобытность – глобализация» в сельской Португалии, и (2) тематическом региональном исследовании интерфейса «топофилия – террафилия» и местного развития. Террафилия – это концепция, недавно выработанная нашим исследовательским коллективом, определяемая как «действенная связь между людьми и территорией, содействующая местному развитию». Она дополняет понятие топофилии в аспекте содействия развитию (Oliveira et al. 2010).

Интерфейс «местная самобытность – глобализация»

Необходимость проявлять заботу о культурной и экономической местной самобытности является обязательным условием для дальнейшего развития португальской экономики и общества, прежде всего, в сельских областях, в контексте глобализации, или, как это сформулировано у Альбино: «Местная самобытность должна быть мобилизована в качестве ресурса развития. ...Стратегия местного развития должна основываться на признании исторически сложившегося типа как средства внедрения местных новаций» (Albino 1997: 113).

Для того, чтобы согласовать местные потребности, возможности и условия развития с глобальными предпосылками, необходимо всестороннее изучение истории и природы самобытных черт географических местностей (мест) и районов (регионов). Проблема, однако, состоит в том, что «местная самобытность» не является аналитической категорией. Понятие «местной самобытности» имеет множество значений, таких как уникальные свойства мест и регионов, их характеристик и особенности, природное и культурное наследие, внутренний потенциал, сравнительные преимущества (недостатки). Зачастую содержание и оценки, основанные на подобных обобщениях, носят субъективный, неясный и пристрастный характер, и потому непригодны для программ и стратегий развития: т.е. планирование развития и формулирование задач должно опираться на опытные значения объективных явлений.

Если не ясно, что означает самобытность местности или региона с практической и достоверной точки зрения (то есть помимо общих субъективных обозначений), то каким образом может быть установлено, какой именно аспект самобытности необходимо укреплять, сохранять, диверсифицировать, повышать его конкурентноспособность с тем,

чтобы превратить его в фактор развития? Как отслеживать и измерять изменения местной самобытности, по какой шкале? Какие качественно-количественные показатели следует применять для выявления, сравнения и прогнозирования желаемых изменений местной самобытности? И, наконец, даже в том случае, когда природа проблем местного развития выяснена и необходимые перемены определены, кто станет на законном основании охранять местную самобытность, т. е. какие именно организации или лица способны или наделены полномочиями бороться на местном уровне с негативным влиянием глобализации?

В самом начале нынешнего века, в рамках нашего проекта изучения влияния глобализации и местного развития в Португалии, была предпринята пионерная попытка выявить наличие и определить природу меняющихся черт самобытности в сельских районах и уяснить роль субъектов развития в этих изменениях. В этой связи был проведен опрос знаний, отношения и практики субъектов местного развития касательно местной самобытности и глобализации (по аббревиатуре английских слов – КАП). Вопросник КАП был составлен таким образом, чтобы получить данные о достаточно широком спектре черт местной самобытности и местных проблем, о чем будет сказано ниже.

Опрос КАП

Целью опроса КАП была проверка представлений субъектов местного развития об отличительных характеристиках тех территорий, на которых они действуют, о местных переменных, вызванных глобализацией, и о роли физических лиц и организации в использовании (или неиспользовании) местной самобытности в качестве ресурса местного развития. Рабочее определение местной самобытности в опросе звучало как: «ряд культурных, социальных, экономических, технических и других особенностей данной территории, отличающих ее от других». Такое широкое, свободное от количественных значений определение было призвано содействовать спонтанности ответов самых различных субъектов с тем, чтобы пролить свет на проблему: «О чьей самобытности мы говорим, и кто определяет самобытность региона?» (Groote et al. 2000: 2). Аналогичным образом, в вопросах влияния глобальных процессов на местную самобытность КАП определял глобализацию как «растущую взаимозависимость на мировом уровне тенденций, проблем, ценностей, образа жизни и решений». Предполагалось, что такая формулировка позволит свести к минимуму представления респондентов о «глобальном» как обо всем, что не является «местным», в связи с тем, что «в зависимости от степени вовлечения каждой местности в мировую экономику, «глобальное» может обозначать соседний город, регион, существующую экономику и общество» (Hadjimicalis 1994: 241).

Для того чтобы облегчить ответы по столь сложным концепциям и проблемам, вопросы предусматривали конечное число различных (по выбору) ответов, а концепция местной самобытности была разложена на составляющие. Пошаговая раскладка состояла из перечисления черт местной самобытности и последующего составления иерархии компонент самобытности. Составленный в итоге список включал 75 компонент, отражающих как традиционно приоритетные, так и вновь возникшие черты самобытности сельской Португалии. В вопроснике КАП все компоненты самобытности были объединены в три группы: социо-культурные, социо-экономические и технико-экономические. Опрос КАП проводился среди активистов местного и регионального развития в сельских районах (AMP). Из 92 AMP, получивших вопросник, ответили 74, преимущественно руководящие работники местных агентств развития внутренних районов в регионах Север, Центр, Алентежу и Алгарве.

Полученные результаты: местная самобытность

Опрашиваемым предложили высказать свои точки зрения на значение местной самобытности для развития районов, в которых они работают. АМР единодушно поддержали идею, о том, что «забота о местной самобытности должна быть приоритетом при осуществлении мер развития», и в подавляющем большинстве согласились, что местная самобытность «должна стать конкурентноспособной для того, чтобы обеспечить местное развитие». Большинство опрошенных также сочло «сильно выраженную самобытность необходимым условием местного развития» и поддержало (хотя и не столь категорично) тезис: «надлежащее использование местной самобытности едва ли возможно без участия местных специалистов местного развития».

В то же время, в большинстве своем АМР не согласились с такими доводами как, «незачем беспокоиться о местной самобытности в эпоху глобализации» и «сохранение традиционных ценностей, искусств и ремесел тормозит модернизацию экономики и общества». Менее твердая негативная оценка была дана положению, согласно которому «стоит пожертвовать исторической местной самобытностью, если эта мера поможет экономическому процветанию местного сообщества».

АМР были гораздо менее единодушны в отрицании предположения о том, что «сила местной самобытности означает способность к сопротивлению влияниям извне». Еще большее расхождение обнаружилось в реакции на предположение: «отставание в развитии отражает живучесть негативных черт местной самобытности». Наибольшие разногласия вызвал тезис: «живучесть негативных черт местной самобытности связана как с внутренними, так и с внешними факторами». Утвердительные, отрицательные и нейтральные ответы тут разделились примерно поровну.

В ответ на просьбу описать район, в котором они работают, указав степень присутствия компонент местной самобытности, большинство АМР присвоило высший балл историческим традициям: культурному ландшафту, сельской архитектуре и кулинарии. Значительное число (20-40% ответов) указало широкий спектр выдающихся местных особенностей: традиционные праздники, использование исторических общественных мест, традиционные искусства и ремесла и наличие коллективной памяти и местный консерватизм, а также широкий спектр вновь возникших особенностей: присутствие отечественных и зарубежных туристов, деградацию культурного ландшафта, проникновение в деревню городского образа жизни, государственное инвестирование в местную культуру, издание местных журналов, позитивный образ района, где работают опрошенные. Наименьшее значение (менее 10% ответов) придавалось таким характеристикам, как религиозность молодежи, ксенофобия и мультиэтнические праздники. Состояние окружающей среды в число черт местной самобытности не попало.

Что касается социо-экономической сферы местной самобытности, то большинство АМР отдало первые места двум наиболее болезненным проблемам современной сельской Португалии: старение населения и исход из деревень молодежи. Далее следовали утраченный дух предпринимательства в отсталых сельских районах (Barreto 2000), страх потерять работу, за ними – средняя по числу ответов (15-30%) группа, с одной стороны, «устоявшихся» явлений, таких как *assistencialismo* (дух пассивной зависимости от внешней помощи), безработица, разрыв в уровнях развития города и деревни, с другой, - новые: психология потребления (консумеризм), растущее социальное неравенство и несельскохозяйственная занятость сельского населения. Наименьшее число ответов (менее 10%) упоминает черты, обычно считающиеся стратегически важными для социального прогресса: образование, предприимчивость, стимулы для молодежи не

покидать родные места.

Что касается технико-экономического аспекта местной самобытности, то АМР не отдали предпочтения ни одной из предложенных характеристик. Наибольшее число голосов (более 30% ответов) подано за особенности, характерные для пока преобладающей традиционной экономической структуры: крестьянское хозяйство и мелкая рассеянная торговля, а также некоторые важные элементы прогресса: недавние инвестиции в водопроводную систему, сбор и вывоз твердых бытовых отходов. Среднее число ответов (10-30%) упоминает такие разнообразные компоненты как средние, малые и микро-предприятия, альтернативный туризм, индустрия досуга, использование устаревших промышленных технологий, проблемы окружающей среды – например, загрязнение воды, а также деградация лесов и почв. Наименьшее число ответов (менее 5%) касалось особенностей, традиционно считающихся симптомами прогресса и инновации в сельских районах: модернизации сельскохозяйственной техники, внешнего спроса на местные сельхозпродукты, роста внешних инвестиций (отечественных и из-за рубежа) и органического земледелия. И, наконец, никто из АМР не посчитал внедрение новых информационных и коммуникационных технологий проявлением местной самобытности.

Результаты по глобализации

Единственный тезис, имеющий отношение к глобализации, который поддержало большинство опрошенных, это «необходимость противостоять глобализации на местном уровне». Мнения по другим проблемам разошлись в самых разных направлениях. Если утверждение о том, что глобализация коммуникационных технологий выгодна только элите, вызвало диаметрально противоположные взгляды, то тезисы «глобализация рынков и конкуренции могут содействовать развитию малого бизнеса» и «глобализация скорее способствует, нежели мешает, решению задач местного развития» - максимальный разброс мнений и подлинный скептицизм (нейтральные ответы). Наконец, на утверждение, что «глобализация открывает перед периферийными регионами невиданные прежде возможности для социального и экономического развития» относительное большинство опрошенных отреагировало положительно, но также высокими оказались доли негативных и нейтральных ответов.

В качестве влияния специфических проявлений глобализации в португальской экономике и обществе АМР единодушно осудили ее влияние на потребительский спрос и образ жизни.

Менее сильное, но все же явное совпадение мнений наблюдалось в положительной оценке глобализации коммуникационных технологий, общественного сознания и общественного критицизма. Положительные оценки существенно преобладали над отрицательными и в вопросах глобализации финансового капитала и инвестиций, а также рынков и конкуренции.

Совершенно иная картина наблюдалась в реакции АМР на влияние глобализации на районы их деятельности. Большинство опрошенных одобрило глобализацию коммуникационных технологий, общественного сознания и общественного критицизма, но немало получено и нейтральных ответов. С другой стороны, если никто из АМР не счел влияние глобализации на потребление и образ жизни «очень отрицательным», существенно различаются взгляды тех, кто поддерживает явление, и тех, кто считает его «скорее негативным, чем позитивным». Наибольшие расхождения во взглядах и неуверенность проявились в оценках местных проявлений глобализации финансового

капитала, рынков и конкуренции.

Обобщая, можно сказать, что в районах, где трудятся опрошенные АМР, глобализация оказывает скорее положительное, чем отрицательное влияние на социокультурный аспект самобытности, в частности, на такие его составляющие, как экологическое сознание общества, культурное развитие, частное спонсорство местной культуры, международный туризм, «экспортный» культурный имидж и государственное инвестирование в местную культуру. Большинство АМР относит негативное влияние глобализации лишь к двум компонентам: традиционным праздникам и коллективной памяти. Среди прочих, подверженных скорее отрицательному, чем положительному, влиянию: культурные ландшафты (как охраняемые, так и деградирующие), исторические общественные места и события. Поровну распределились голоса тех, кто считает проникновение городского уклада жизни в деревню положительным эффектом глобализации, и тех, кто отрицательно оценивает этот феномен.

В социо-экономической сфере опрошенные смогли назвать гораздо меньшее число особенностей, на которые глобализация повлияла положительно, чем тех, на которых она сказалась отрицательно. АМР отметили положительные эффекты только в области создания рабочих мест, качества образования, роста у населения предпринимательского духа и наличия специалистов из других регионов. Подавляющее большинство отнесло негативное воздействие к различным традиционным и вновь возникшим компонентам, включая исход молодежи из родных мест, потребительство, возможность потерять работу, неравноправные отношения между городом и деревней, задолженность населения, социальные кризисы и конфликты (наркотики, преступность), обнищание и традиционные отношения взаимовыручки.

И, наконец, респонденты указали больше положительных, нейтральных или неизвестных, нежели отрицательных воздействий глобализации при определении составляющих технико-экономического аспекта. Большинство связало положительный эффект с альтернативным туризмом, индустрией досуга, ролью финансовых учреждений, внедрением коммуникационных и информационных технологий, а также технической модернизацией промышленности и сельского хозяйства. Отрицательному воздействию, по мнению участников опроса подверглись традиционная торговля, микро предприятия, старые промышленные и сельскохозяйственные производства - как натуральные, так и товарные. Как неизвестное определили влияние глобализации во вновь возникших секторах, привносящих динамизм в местную экономику, – таких как крупные предприятия, супермаркеты, экологически чистое сельское хозяйство, туризм и индустрия досуга.

Результаты по субъектам развития

Респонденты сообщили, что на момент опроса их деятельность была связана преимущественно (более 30% ответов) с возрождением старых аспектов социокультурной самобытности – таких, как традиционные искусства и ремесла, традиционные мероприятия и празднования, а также с повышением самооценки местных жителей и созданием культурных ценностей. Также сообщалось, что традиционные компоненты самобытности были сконцентрированы примерно в тех же отраслях, что и во время предшествующих мероприятий, в которых респонденты принимали участие. Крупные изменения отмечены только в области самооценки жителей, теперь представленной более полно. Наименьшее число АМР (менее 10%) было занято такими компонентами, как мультиэтнические мероприятия, ксенофобия и местный консерватизм. Следует отметить, что более 50% опрошенных АМР выразило готовность участвовать в будущих

программах развития, в которых приоритет будет отдан, наряду с возрождением культурного ландшафта и повышением экологической грамотности, именно вышеперечисленным компонентам.

В работе респондентов социо-экономические компоненты самобытности преобладали над социо-культурными. Основное внимание уделялось созданию рабочих мест, развитию духа предпринимательства, снижению безработицы, мерам по удержанию молодежи в родных местах, повышению профессиональных навыков, пропаганде вовлечения сельского населения в несельскохозяйственные виды деятельности. Также сообщалось, что прежняя деятельность АМР была в меньшей степени ориентирована на социо-экономическую сферу и преследовала совершенно иные цели, т. е. ни одна из высокоприоритетных составляющих не являлась таковой в предыдущих программах развития. Что касается перспектив на будущее, то большинство опрошенных выразило готовность участвовать в программах развития, связанных с такими проблемами, как социальная однородность («социальное согласие»), неравенство города и деревни, дух потребительства, забота о престарелых и отъезд молодежи.

Что касается технико-экономической сферы, то большинство АМР на момент опроса участвовало в мероприятиях по содействию развитию альтернативного туризма, индустрии досуга, микро-предприятий, средних и малых предприятий, товарного сельского хозяйства, а также внедрению коммуникационных и информационных технологий. Так же, как и в социо-экономической сфере, нынешние приоритеты в работе АМР отличаются от содержавшихся в прежних программах, посвященных, главным образом, таким традиционным характеристикам, как мелкая торговля и натуральное сельское хозяйство. По данным опроса, в будущем большинство респондентов желало бы работать на тех участках технико-экономической сферы, которые не были представлены в надлежащем объеме (менее 15%) – как в прошлом, так и в настоящее время. Это различные виды деградации окружающей среды (лесов, почв, атмосферы, воды), модернизация сельского хозяйства и промышленности, привлечение внешних источников финансирования, маркетинг местной продукции.

В ответ на предложение КАП оценить роль различных категорий местных жителей в качестве субъектов развития социо-культурных аспектов местной самобытности, респонденты указали местных политических лидеров как единственных выдающихся «лиц, обеспечивающих культурные связи и культурный обмен» с внешним миром. Кроме того, большинство АМР рассматривает студентов, возвратившихся эмигрантов и высококлассных специалистов как субъектов, «легко воспринимающих приносимые извне культурные новации». В то же время, по их мнению, мелкие торговцы, мелкие и средние фермеры, предприниматели и вышедшие на пенсию характеризуются как не способные «легко принять» означенные новации. К числу тех, кто «противостоит внешней и прославляет местную культуру», наиболее часто упоминаются недавние переселенцы из других стран.

Что касается организаций - субъектов развития, то большинство АМР считает единственными реальными проводниками культурного обмена исключительно местные и региональные агентства развития, местные органы власти, современные общественные объединения, учреждения культуры и средние школы. К числу с трудом принимающих культурные новации относят католическую церковь и институты социальной помощи. Прочие организации с точки зрения сохранения социо-культурной сферы местной самобытности мало отличаются одна от другой.

Интерфейс «топофилия – террафилия»

В 2008 и 2009 гг было проведен интенсивный опрос знаний, оценок и практик (КАП), относящихся к территориальной самобытности как ресурсу развития, активистов местного развития (АМР) в Оэште (к северо-западу от Лиссабона) – субрегионе, где призывы в поддержку самобытности и надежды, связанные с экологической, экономической и культурной конкурентоспособностью, занимали важное место в программах развития. Целью исследования являлось выявление топофилии и определение характера террафилии среди АМР. Предполагалось, что возникновение террафилии как соединения топофилии со стремлением к развитию (Oliveira et al, 2010), может раскрыть интенсивность и искренность желаний АМР содействовать повышению местной самобытности. В качестве концептуально-методологической модели для исследований была выбрана модель «Идентерра» (Roca & Roca, 2007).

На основе макроскопического камерального исследования региона в целом в качестве объекта полевых исследований были выбраны 4 сопредельные графства Оэште. Метод привлечения к участию основывался на протоколах семинара КАП, разработанных специально для выявления и описания степени и природы соответствия (интерфейс) наблюдаемых (топофилия) и расчетных (террафилия) аспектов субъективной величины территориальной самобытности, в соответствии с ее определением в модели «Идентерра».

Семинары КАП

Семинар КАП основан на поэтапном сборе и обработке (анализ содержания) первичной информации, полученной из сообщений отдельных лиц или групп, обсуждении ее в аспекте отношения к территории и групповой оценке экспериментальных и расчетных качеств составляющих окружающей среды, социальных, экономических и культурных структур и их динамики. За исходными сведениями о респондентах и данными им определениями конкретных черт самобытности – таких, как характеристики естественной и поселенческой среды, общественные традиции и привычки, искусства и ремесла, - следует ретроспективная и перспективная диагностика «наиболее важных» положительных («желательных») и отрицательных («нежелательных») характеристик и их классификации по длительности («традиционные» или «недавно возникшие»), стабильности («исчезающие» или «устойчивые») и эмоциям опрашиваемых по поводу их эволюции («оптимизм» или «пессимизм»). Затем определяется, какие местные, региональные, национальные или наднациональные организации или индивиды несут ответственность за изменение положительных и отрицательных качеств конкретных проявлений территориальной самобытности. И, наконец, на заключительном этапе участники семинара КАП вносят свои предложения, основанные на предшествующей ретроспективной и перспективной диагностике, приоритетности проблем и совместно выработанных определениях стратегий, конкретных мер и компетентных агентов развития.

Социо-демографические характеристики, профессиональный профиль и опыт работы сорока семи участников семинара КАП из четырех регионов (графств) обеспечил сбор данных, основанных на высоком уровне осведомленности о широком спектре характеристик территориальной самобытности и ответственном подходе к проблеме местного развития. Ниже приводятся полученные результаты.

Полученные результаты: диагностика и перспективный подход

Отвечая на вопрос: «Какие наиболее важные элементы характеризуют ваш регион?» участники обозначили широкий спектр элементов ландшафта и образа жизни населения,

т.е. как элементы объективно существующей традиционной (напр., мельницы, гастрономия, архитектурное наследие) и новой (напр., новые фруктовые сады, городские поселения, индустрия туризма) самобытности, так и самобытности субъективной (напр., ухудшающееся/улучшающееся качество городской среды, традиционные/современные общественные отношения, хрупкая/конкурентноспособная экономика). После того, как участники семинара выявили два аспекта, которые, по их мнению, наиболее положительно или наиболее отрицательно влияют на их графство, они классифицировали эти аспекты как «традиционные» или «недавние», «исчезающие» или «устойчивые», и выразили свой «оптимизм» или «пессимизм» по поводу их дальнейшей эволюции. Ответы были классифицированы и зафиксирована их повторяемость в терминах характеристик ландшафтной и поведенческой самобытности (природа, общество, экономика, культура) модели «Идентерра».

Определения и оценки приоритетных положительных и отрицательных характеристик самобытности, данные участниками семинара по своим регионам, сводятся к следующему:

- положительные характеристики у большинства участников совпадают, отрицательные же разнятся и с трудом могут быть сформулированы в конкретных терминах, что свидетельствует о высоком уровне топофилии у аудитории;
- преобладают положительные оценки природной среды, хотя указаны и определенные угрозы ее качеству – разные для более урбанизированных регионов (загрязнение, автомобильный транспорт) и сельских (например, свалка в графстве Кадаваль); на эти проблемы следует обратить внимание в будущих программах местного развития;
- социальные вопросы, часто упоминаемые как прямые следствия деятельности местных субъектов, относят к положительным характеристикам, коль скоро они имеют отношение к сотрудничеству между поселениями и сетям социальной помощи, и к отрицательным – когда речь идет о сельских поселениях, находящихся под сильным контролем общественных организаций (напр., сопротивление малых поселений определенным аспектам социальной модернизации);
- экономика, вне всякого сомнения, относится к тем элементам самобытности, индивидуальные и коллективные оценки которых могут сильно различаться; с одной стороны, слабая экономическая база оценивается негативно с точки зрения высокой безработицы и низкого качества работы управленческих структур, с другой стороны, те компоненты экономической структуры, которые повышают доступность и потенциал развития индустрии туризма, оцениваются позитивно;
- что касается культурных черт, включающих, во-первых, приверженность сельскому наследию, особенности местного характера и гастрономические традиции и, во-вторых, элементы архитектурного наследия, в каждом регионе создают определенные пространственные проблемы, то первые воспринимаются скорее отрицательно (хотя и с некоторыми сомнениями), в то время как вторые превозносятся столь восторженно, что с уверенностью можно говорить о наличии уже упомянутой выше топофилии.

Опытно выявленные признаки самобытности и развития

Обобщение полученных ответов показало, что общепринятыми показателями положительных приоритетных характеристик территориальной самобытности развития в графствах проживания опрошенных являются (i) ландшафты и историческое наследие, (ii) природные ландшафты, (iii) качество жизни, и (v) руральность. К числу отрицательных приоритетов опрошенные единодушно относят (i) экономическое развитие, (ii)

социальное развитие, (iii) инфраструктуру и общественные службы, (iv) развитие человеческого капитала и традиционную производственную деятельность, (v) социальное и экономическое развитие и (vi) ассоциативизм (пассивность).

Анализ содержания собранной информации продемонстрировал высокий уровень корреляции между наблюдаемой субъективной самобытностью (топофилия) и объективной самобытностью, выявленной при помощи индикаторов предшествующего макро-анализа, основанного на имеющихся статистических данных. Среди позитивных аспектов территориальной самобытности ведущее место занимают состояние ландшафтов и культурно-исторического наследия, а также сохранение руральности, которая объединяет отличительные черты природных и культурных ландшафтов и образа жизни населения. Среди негативных – замедленный процесс развития, низкий уровень развития человеческого капитала и недостаточная доступность общественных служб.

Рассчитанные признаки самобытности и развития

Компоненты опытно наблюдаемых черт самобытности, которые большинством участников семинара были отнесены к приоритетным, были затем вынесены на дальнейшее обсуждение, имевшее целью сформулировать предложения о конкретных мерах по оптимизации положительных и сведению к минимуму отрицательных аспектов самобытности. Для каждого предлагаемого мероприятия группа должна была выбрать и соответствующего исполнителя (агента развития). Ответы с указанием предлагаемых мер и исполнителей были сгруппированы по характеру действий и типам исполнительных учреждений. Все отобранные с общего согласия позитивные и негативные аспекты самобытности и проблемы развития были сопоставлены с предлагаемыми действиями, а те, в свою очередь, - с предложениями по выбору исполнителей, способных претворить предлагаемые меры на практике. Вся процедура (т.е. семинар КАП и обработка данных) позволила определить степень распространения и природу террафилии среди участников семинара.

Исходя из того, что чувство террафилии усиливается вместе с возможностями формулировать предложения по устранению недостатков и укреплению сильных сторон, представилось возможным оценить интенсивность террафилии на основе количества и спектра названных приоритетов и типов предложенных мер. Также появилась возможность выявить наиболее подходящие меры по устранению недостатков и максимизации преимуществ и определить агентов развития, способных эти меры реализовать и, в то же время, самих являющихся объектами определенных будущих действий, направленных на повышение уровня террафилии у этих агентов (например, маркетинг территории или, по меньшей мере, сенсбилизация их участия в определенных действиях в силу наличия у них исключительных возможностей для решения конкретных проблем).

Заключение

Общенациональное исследование восприятия понятийной пары «местная самобытность – глобализация» в сельской Португалии показало, что АМР вполне единодушны в поддержке пропаганды местной самобытности, но выражают несогласие по конкретным, особо «гибким» и «тонким» темам и проблемам, - таким, как, например, могут ли не только глобальные, но и местные факторы, породить негативные аспекты самобытности и отставание в развитии, и следует ли жертвовать традицией ради модернизации во имя социального и экономического прогресса. Большинство АМР настроено критически по отношению к своим сообществам и указывает на присутствие в

них таких негативных черт местной самобытности, как расчет на дотации, низкая самооценка, местный консерватизм, отсутствие предприимчивости, низкая образованность – т.е. симптомы глубоко укоренившихся пассивности и застоя. В этой связи не вызывает удивления, что АМР расходятся во мнениях и скептически относятся к идее возрождения или укрепления местной самобытности как средства повышения конкурентноспособности местной культуры и экономики.

Кажется, что «глобализация» еще не внесла серьезных изменений в местную самобытность. По мнению опрошенных, традиционные местные «тормоза» и «горизонталы» в отношении к культурным ценностям, образу жизни, общественных институтах и экономической структуре по-прежнему преобладают над вновь возникшими «потокками» и «вертикалями» (Santos, 1994), такими как консумеризм, международный и альтернативный туризм, индустрия досуга, рурбанизация, интеграция зарубежных специалистов и новых мигрантов. Кроме того, очень слабое присутствие таких составляющих, как товарное сельское хозяйство, внешние инвестиции, современные промышленные технологии и крупные фирмы, показывает, что «сети районов» и «встраивание» субъектов глобальной экономики в экономику местную (Agnew 2000; Todtling 1994) еще не стали реальностью. Добавим, что мнение АМР о том, что новые информационные технологии не стали пока самобытной чертой сельской Португалии, согласуется с данными, полученными в других периферийных странах и регионах (Pbery et al. 1995).

На все наиболее ярко выраженные компоненты самобытности, относящиеся к культурным традициям, человеческим ресурсам и структуре экономики, глобализация воздействует скорее отрицательно, чем положительно. Действительно, АМР на неизбежную утрату определенных черт, которые принято считать «исключительно португальскими» и являющихся, в силу этого, потенциальным ресурсом развития (Albino 1997; Benko 2000). К ним относятся традиционный культурный ландшафт, традиционные праздники, привычки и коллективная память.

С другой, более обнадеживающей, стороны, некоторые скромно представленные компоненты местной самобытности – такие, как товарное сельское хозяйство, внешний спрос на местные продукты, международный туризм, местная культура и, потенциально связанное с ними, создание новых рабочих мест, - воспринимаются скорее как положительное влияние глобализации. Кроме того, обнадеживает тот факт, что пока еще очень слабо представленные, но желаемые, динамичные, инновационные и/или потенциально конкурентноспособные компоненты самобытности – экологическая осведомленность, самооценка населения, предприимчивость, профессиональная подготовка, средства удержать молодежь в родных краях, модернизация сельскохозяйственной технологии, «органическое» сельское хозяйство и внешние инвестиции, - воспринимаются преимущественно как положительный эффект глобализации.

Что касается роли АМР, то необходимо отметить две особенности. Во-первых, по сравнению с прошлыми, нынешние программы развития, в которых участвуют АМР, в большей степени сфокусированы на нейтрализации отрицательных и содействии положительным эффектам глобализации. Во-вторых, АМР выразили готовность участвовать в работе, связанной непосредственно с теми аспектами местной самобытности, на которые глобализация оказывает негативное влияние, и которые недостаточно представлены в текущих программах: забота о культурных ландшафтах, внешний («экспортный») имидж, выравнивание качества жизни в городе и деревне,

консумеризм и задолженность населения, отъезд молодежи, внедрение новых информационных технологий, внешний маркетинг местной продукции, внедрение «органического» типа сельского хозяйства, предотвращение деградации почв и лесов. Все это, в определенной степени, подтверждает теорию «мобилизации территорий» в защиту местных приоритетов от глобализации (Hadjimichalis 1994).

На местном уровне семинар КАП в регионе Оэште показал, что операционализация топофилии в террафилию помогает субъектам развития сформулировать свои знания и суждения о проявлениях территориальной самобытности, свои пожелания перемен и свои возможности по осуществлению мер, направленных на превращение местной самобытности в ресурс развития. Кроме того, обнаруженное присутствие террафилии может быть использовано как передаточный механизм, связывающий сегодняшнюю топофилию (субъективно воспринимаемую самобытность) с новой будущей самобытностью, которая явится результатом развития. Другими словами, есть все основания верить, что улучшение ландшафтных и поведенческих черт сегодняшней проблематичной самобытности может быть достигнуто через материализацию террафилии у АМР и распространение ее среди других субъектов развития.

И последнее. Необходимо подчеркнуть, что изучение знаний, мнений и практики у субъектов развития для данной территории в терминах топофилии и террафилии может стать фундаментом для процесса планирования. Это особенно важно для Португалии, где участие общественности было надлежащим образом усилено лишь недавно – в 2007 г. В этом контексте необходимы дополнительные исследования, направленные на дальнейшее дробление и конкретизацию различных составляющих, образующих в сумме наше представление о конкретной территории (топофилия) и стремление к осуществлению территориального развития (террафилия). Это, в свою очередь, принесет осязаемые результаты, которые могут быть использованы в фокусировании и реализации программ развития, основанных на понимании местной самобытности одновременно как цели, так и ресурса развития.

Библиография

- Agnew, J. (1999). `Regions on the Mind does not Equal Regions of the Mind,` Progress in Human Geography, 23 (1), pp.91-96.
- Agnew, J. (2000). `From the Political Economy of Regions to Regional Political Economy.` Progress in Human Geography, 24, 1. pp.101-110.
- Albino, C. (ed.) (1997). Desenvolver Desenvolvendo - Práticas e Pistas para o Desenvolvimento Local no Alentejo. Messejana: ESDIME C.R.L.
- Amin, A. and Thrift, N. (1994). `Living in the Global,` in A. Amin and N. Thrift (eds), Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe. Oxford: Oxford University Press.
- Badie, B. (1995). La fin des territoires. Paris: Fayard.
- Barel, Y. (1986). `Le social et ses territoires,` in E. Auriac et R. Brunet (eds.), Espaces, jeux et enjeux. Paris : Fayard-Diderot.
- Barreto, A. (org.) (2000). A situação social em Portugal. Lisboa: ICS
- Benko, G. (2000). `La recomposition des espaces,` Agir - Revue général de stratégie, 5, pp.11-18.
- Ferrão, J. (2002). Portugal, três geografias em recombinação: Espacialidades, mapas cognitivos e identidades territoriais, Lusotopie, 2.
- Ferrão, J. (2004). Dinâmicas territoriais e trajectórias de desenvolvimento: Portugal 1991-2001. Lisboa: ICS.

- Giddens, A. (1994). *Beyond Left and Right — the Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Groote, P. et al. (2000). 'Claiming Rural Identities. In: T Haartsen et al. *Claiming Rural Identities*. Assen: Van Gorcum.
- Haartsen, T. et al. (2000). *Claiming Rural Identities*. Assen: Van Gorcum.
- Hadjimichalis, C. (1994). 'Global-Local Conflicts: Examples from Southern Europe.' in A. Amin and N. Thrift (eds.). *Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe*. Oxford University Press.
- Haesbaert, R. (2004). *Mito da Desterritorialização*. Rio de Janeiro: Editora Bertrand Brasil.
- Harvey, D. (2003). *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Heelas, P. et al. (1999). *Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity at a Time of Uncertainty*. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc.
- Ilbery, B. et al. (1995). 'Telematics and Rural Development: Evidence from a Survey of Small Businesses in the European Union. *European Urban and Regional Studies*. 2. pp. 55-67.
- Lefevre, H. (1991). *The Production of Space*. London: Basil Blackwell.
- Massey, D. (1991). 'A global sense of place', *Marxism Today*, June, pp.24-9. (reprinted in Massey, D. (2004). *Space, place and gender*. Cambridge: Polity Press. pp. 46-56).
- Massey, D. and Jess, P. eds. (1995). *A Place in the World? Places, Cultures and Globalisation*. Milton Keynes: The Open University.
- Oliveira, J. A., and Roca, Z. (2005). *Plano de Acção para o Desenvolvimento do Concelho da Pampilhosa da Serra (Vol. 2)*. Loures: Vigaprintes.
- Oliveira, J. A., Roca, Z. and Leitão, N. (2010). *Territorial Identity and Development: From Topophilia to Terraphilia*. *Land Use Policy*, 27(3).
- Roca, Z. (1998). 'Positive Experiences in Increasing the Involvement of Young Men and Women in Rural Development in Portugal,' in *Youth and Rural Development in Europe: Policy Issues and Responses*. Rome: FAO.
- Roca, Z. (1999). 'Local Development Contexts and Agents: An Analytical Model and Experience from Portugal,' in I. Bowler, Ch. Bryant, and A. Firmino (eds.) *Progress in Research on Sustainable Rural Systems*. Lisbon: IGU/CEGPR/UNL.
- Roca, Z. (1999a). *Local Development Initiatives and Agents: Relevance of Portuguese Experience for the European Countries in Transition*. *Proceedings of the Third Moravian Geographical Conference, CONGEO'99 Regional Prosperity and Sustainability*, Brno: Institute of Geonics, Academy of Sciences of the Czech Republic.
- Roca, Z. (2004). 'Affirmation of Regional Identity between Rhetoric and Reality: Evidence from Portugal,' in E. Boneschansker et al. (eds.), *Cultural Uniqueness and Regional Economy*. Leeuwarden, Ljouwert: Fryske Akademy.
- Roca, Z., & Roca, M.N.O. (2007). *Affirmation of Territorial Identity: A Development Policy Issue*. *Land Use Policy*, 24(2).
- Rose, G. (1995). 'Place and Identity: A Sense of Place,' in D. Massey and P. Jess (eds.) *A Place in the World? Places, Cultures and Globalisation*. Milton Keynes: The Open University.
- Santos, M. et al (ed.) (1994). *Território, Globalização e Fragmentação*. São Paulo: Editora Hucitec
- Todtling, F. (1994). 'The Uneven Landscape of Innovation Poles: Local Embeddedness and Global Networks,' in A. Amin and N. Thrift (eds.), *Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe*. Oxford: Oxford University Press / The Open University.
- Tuan, Y.F. (1990). *Topophilia – A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*. New York: Clumbia University Press / Morningside Edition.